

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются глобальные изменения на международной арене, которые в концентрированном виде отражают динамику сложнейших геополитических процессов, диалектику взаимосвязи старого и нового в мировой политике. Исследуются ее проблемные узлы и ключевые вопросы. Мировой политический процесс рассматривается как выражение гибкой подвижности, изменчивости, динамического взаимодействия множества объективных и субъективных факторов, определяющих содержание, характер и векторы эволюции мирового сообщества. Автор делает акцент на системной совокупности взаимозависимых субпроцессов: глобальных, региональных, локально-страновых, инерционных, кризисных и т. д. Прослеживаются диалектические взаимосвязи национального и глобального в мировой политике. Большое внимание уделяется роли социальных сетей в глобальном пространстве. Раскрываются особенности глобализации информационных процессов, их влияние на расстановку сил на мировой арене, геополитические возможности и потенциал информационной сферы в конкурентном соперничестве государств. Анализируются стратегические линии внешней политики России с учетом новейших тенденций, которые определяют ее геополитический статус и место в мировом сообществе. В актуальном проблемном преломлении осмысливаются особенности русофобии в мировой политике, ее фантомы и реальности. Концептуализируется важнейший вопрос мировой политики о достижении геополитических целей путем увеличения желательного или уменьшения нежелательного. Геополитически чрезвычайно важно, что именно культурно-гуманитарный императив лежит в основе «мягкой» («гибкой или умной») силы», которая выходит на первый план мировой политики. «Мягкая сила» рассматривается как комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии. Вместе с тем обращено пристальное внимание на подводные рифы — риски деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением и сознанием.

Ключевые слова: геополитика, полицентричность, реидеологизация, конфликты, новые вызовы и угрозы, международная безопасность, Россия, санкции, русофобия

Для цитирования: Неймарк М. А. Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):184-201. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201

In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy

Mark A. Neymark

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mark.neymark@mail.ru*

Abstract: The article analyzes global changes in the international arena, which in a concentrated form reflect the dynamics of the most complicated geopolitical processes, the dialectics of the interconnection of the old and the new in the world politics. We study its problem nodes and key issues. The world political process is considered as an expression of a flexible mobility, variability, dynamic interaction of a multitude of objective and subjective factors that determine the content, nature and vectors of the evolution of the world community. The author focuses on the systemic set of interdependent subprocesses: global, regional, local-country, inertial, crisis, etc. Dialectical interrelations of national and global in world politics are traced. Great attention is paid to the role of social networks in the global space. The peculiarities of the globalization of information processes, their influence on the alignment of forces in the world arena, geopolitical capabilities and the potential of the information sphere in the competitive rivalry of states are revealed. The strategic lines of Russia's foreign policy are analyzed taking into account the latest trends that determine its geopolitical status and place in the world community. In the actual problematic refraction, the features of Russophobia in world politics, its phantoms and realities are being comprehended. The most important issue of world politics — achieving geopolitical goals by increasing the desirable or reducing the undesirable is being conceptualized. Geopolitically, it is extremely important that it is the cultural and humanitarian imperative that lies at the basis of «soft («flexible or intelligent») power», which comes to the forefront of world politics. «Soft power» is considered as a comprehensive tool for solving foreign policy problems with the support of the opportunities of civil society, information and communication, humanitarian and other methods and technologies. At the same time, close attention is paid to underwater reefs — the risks of destructive and unlawful use of «soft power» in order to exert political pressure on sovereign states, interfere in their internal affairs, manipulate public opinion and consciousness.

Keywords: geopolitics, polycentrism, reideologization, conflicts, new challenges and threats, international security, Russia, sanctions, Russophobia

For citation: Neymark M. A. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):184-201. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы глобальный контекст развития мирополитических процессов кардинально изменился практически по всем геополитическим параметрам. Мир вступил в новую фазу цивилизационного развития с неизбежным глобальным кризисом адаптации к новым условиям. Их отличительная особенность — глубина, всеохватная масштабность и беспрецедентность трансформационных изменений в мировой политике.

КРИЗИС МИРОПОРЯДКА

События последних лет стали мощным ускорителем трансформационных потрясений в мировой политике. Прежнее мироустройство с его устоявшимися опорными блоками претерпевает глубинные изменения. Кризис нынешней мирополитической модели явился катализатором ранее обозначившихся тенденций: подвижки и сдвиги накапливались годами, предпосылки к ним вызревали постепенно, исподволь, и потому, не сразу обобщались в оценочную формулу, которая бы адекватно отражала степень сущностного переформатирования мирового порядка.

В результате развитие мирополитических процессов резко осложнилось и обострилось. Все большей эрозии подвергается международная стратегическая стабильность. В ходе глобализации явственно обозначились контртенденции. Содержание категорий «пространство — время» спрессовалось в непредсказуемо плотную субстанцию. В геополитическом пространстве произошли глубинные разломы. Кардинально меняются контуры самой мировой политики. Период вятных, более или менее упорядоченных конкурентных взаимодействий в мире, похоже, заканчивается. Появляются новые геополитические смыслы, высказывающиеся из матрицы привычных представлений.

Новый феномен — нарастание неустойчивости и неупорядоченности мироустройства, вызванные явным перенапряжением силовых линий в мировой политике. События в мире, ускоренно наслаиваясь друг на друга, все более усложняются, непредвиденность их казалось бы неочевидных переплетений и взаимовлияний образует новые проблемные поля мировой политики. Непредсказуемая спонтанность событий, резкая смена ситуаций обостряет в ней кризисные тенденции, усугубляя нестабильность мироустройства.

Потенциал саморегулирования мировой политической системы в целом уже исчерпан, как, впрочем, и нынешние инерционно-адаптационные попытки частичной модернизации и паллиативной санации ее отдельных компонентов. Ослабление ее функциональной эффективности все более явственно обозначает точку геополитической бифуркации, за которой с неизбежностью следует нарастание неопределенности в глобальном политическом пространстве. И это уже не очередная циклическая трансформация в мировой политике, а ее переломный переход в иное, пока еще непредсказуемо сколько-нибудь точно, состояние. Сегодня это уже не отдельные кризисные тенденции и проявления, а всеобъемлющая совокупность кризисов, интернационализация которых стала знаковой приметой международной жизни: локально-страновых, региональных, субрегиональных, транснациональных, глобально-международных.

Разнонаправленность мирополитических процессов, усиливающаяся по нарастающей, пожалуй, беспрецедентно минимизирует предсказуемость развития событий и относительную точность, или, хотя бы, близкую ей адекватность непредвзятых оценок и сколько-нибудь достоверных прогностических сценариев. Консенсус-

ный вектор внешнеполитических взаимодействий размывается все чаще. На международных площадках разного уровня достижение сбалансированных позиций становится все более трудоемким и затяжным процессом.

Дисфункция механизмов взаимодействия акторов мировой политики выражается в самых разнообразных формах. Все более отчетливо проявляется кризис сознания политических элит Запада, во многом определяющих в своих странах, заданность и алгоритм принятия решений в международной сфере. Налицо кризис управляемости и регулирования мирополитических процессов.

Эпоха циклически-волнового развития мира заканчивается. В дихотомии «статика — динамика» мирополитических процессов инерционный вектор первой практически полностью выпадает из новых геополитических реальностей. Стремительное ускорение этих процессов, все чаще разнонаправленных, насущная потребность в переходе к новой модели мироустройства в возрастающей степени предопределяют особенности международной повестки дня.

Происходит переформатирование движущих сил мирополитических изменений, модификаций и трансформаций. Меняется само понятие акторности в мировой политике. Оно приобретает новые очертания, его содержательное наполнение расширяется за счет тех негосударственных акторов, которые прежде в таком качестве сколько-нибудь серьезно не рассматривались. О вторичности этих акторов, ограниченности их роли и ресурсов влияния в мировой политике говорить сегодня уже не приходится. По новому перераспределяются механизмы взаимодействия государственных и негосударственных акторов мировой политики; статусный потенциал, ролевые функции, их взаимозависимость и взаимодополняемость усиливаются по

нарастающей. Негосударственные акторы сегодня в состоянии играть самостоятельную роль в упорядочении международно-политической системы, поскольку их мобилизующий потенциал становится реальной силой. Статусный ареал акторов мировой политики определяется уже не только прежними критериями и параметрами: в силу вступают и многие другие факторы влияния на мировой арене, в частности ресурсный потенциал и эффективность использования «мягкой силы». Хотя говоримся, не все они обладают адекватным субъектным статусом и соответственно реальными возможностями воздействия на мирополитические процессы, сопоставимые с теми, которыми располагает группа ведущих участников мировой политики.

Принципиально важный момент — окончательная завершённость «романтического периода» деидеологизации международных отношений и мировой политики. Острая идеологическая борьба вновь, как и в пиковые периоды «холодной войны», стала кризисно-конфронтационной приметой современного мирового развития. Виртуальные псевдореальности нередко навязывают новые или модифицируют прежние идеологизированные интерпретации правил игры, которые способствуют искусственному нагнетанию международной напряженности. Более того, появляется опасность того, что структурирующей матрицей международно-политических отношений может вновь стать, как это уже бывало в XX веке, идеологическое противоборство в его модифицированных и инновационных формах, используемых Западом с учетом растущей роли России в мировом сообществе.

Резко возрастает геополитическая значимость локальных и региональных конфликтов, интернационализация которых усиливает напряженность в мире, создавая новые вызовы и угрозы странам и народам.

События на Ближнем Востоке, интернационализация украинского кризиса, санкционное давление Запада на Россию создали новую ситуацию в мире, резко обострив существующие разногласия. Возникли новые болевые геополитические точки, обозначившие дополнительные разграничительные линии между Западом и Россией. Мирополитическая система становится все более разбалансированной. Устоявшаяся система сдержек и противовесов оказалась в фазе острого кризиса. Цена непросчитанных рисков в мировой политике резко возросла. Динамика внешнеполитических процессов столь стремительна, что многие из них оценочно уже не вписываются в прежние концептуальные схемы.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛОВЫХ ЛИНИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Новой фундаментальной особенностью мировых процессов стала усиливающаяся полицентричность. Это уже не тенденция, а четко обозначенная реальность. Происходит рассредоточение мирового потенциала сил и развития, его смещение на Восток, и прежде всего в Азиатско-Тихоокеанский регион — самое динамично развивающееся геополитическое пространство. На авансцену мировой политики и экономики выходят и другие новые страны, влияние которых, неравнозначно.

Меняется не только география смещения центров силы, но и сама геометрия двусторонних и многосторонних альянсов. К складывающимся геополитическим треугольникам добавляются четырехугольники; растущее многообразие этих и других потенциальных конфигураций, внутри которых сосуществуют взаимовыгодные интересы и одновременно — конкурирующие притязания участвующих в них стран — новая особенность межгосударственных отношений.

Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, усилением борьбы за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциал, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки Запада навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу в мировой политике и неуправляемости в международных отношениях.

Кризисные тенденции современного мирового развития усиливают нескрываемое желание Запада, прежде всего США, предопределять базовые принципы организации будущей международной системы. При том, что размывание ареала возможностей Запада доминировать в мировой политике становится все более очевидным фактом, подтверждая тем самым действительность и перспективную множественность моделей развития государств. Поэтому неравномерно складывающуюся геополитическую конфигурацию было бы, наверное, точнее охарактеризовать как асимметричный полицентризм.

Мир вступил в длительный этап международной напряженности, экономической и финансовой неустойчивости, неопределенности и перераспределения сил между традиционными и новыми центрами интеграционной гравитации. В этих условиях сохраняются глубокие противоречия между различными мировоззренческими системами, продолжатся как их сосуществование, так и жесткая конкуренция. «И вряд ли одной из этих систем удастся стать доминирующей» [1].

В изменившихся условиях со всей остротой встает вопрос: кем и как будет выстраиваться конфигурация посткризисного геополитического пространства в целом и отрабатываться новые институционализованные формы и механизмы регулирования общемировых процессов. Поэтому столь важно осваивать искусство асимметричного реагирования, уравнивания дисбаланса сил по одним геополитическим параметрам с максимальным использованием преимуществ по другим.

И, конечно же, выработать долгосрочную сбалансированную стратегию участия в геополитическом переустройстве мира, подчеркивает известный политолог-международник О. Быков: «Но для этого требуется четкое видение перспективы магистрального развития структуры международных отношений на обозримое будущее. В России и за рубежом пока нет уверенности в том, каким путем пойдет дальнейшее формирование глобального геополитического пространства» [2].

Новые процессы и явления накладываются на еще не исчезнувшие формы и представления предшествующего периода. В современных условиях глобальной взаимозависимости в мире происходит не только увеличение количества транснациональных игроков, но и изменение их типов. Раньше транснациональная активность жестко контролировалась крупными официальными структурами; в нынешних условиях свободно структурированные, практически неконтролируемые, сетевые организации приобретают международную значимость и весомость. Именно в сетевом характере международного терроризма — первопричина огромных трудностей в противоборстве с ним.

В результате возвращения к жестко выраженной реидеологизации международных отношений, вызванной обострением

политических и социально-экономических противоречий, нестабильностью мировой политической и экономической системы, повышается геополитическая значимость фактора силы. Возрастание роли силового компонента в мировой политике, развертывание новых видов вооружений создают угрозу стратегической стабильности и глобальной безопасности, способствуя тем самым эскалации кризисов в мире.

Стремление западных государств удержать в геополитическом пространстве свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. В Концепция внешней политики Российской Федерации (редакция 2016 г.) отмечается, что «борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития».

Продолжающаяся геополитическая экспансия НАТО, проводимая США и их союзниками, политика сдерживания России, оказание на нее политического давления подрывает региональную и глобальную стабильность, противоречит возрастающей в современных условиях потребности в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам. Расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам и наращивание его военной активности в приграничных с Россией регионах нарушают принцип равной и неделимой безопасности и ведет к углублению старых и созданию новых разделительных линий в Европе.

Примечательно, что основополагающий документ Пентагона, утвержденный в 2012 году назван «Поддержание глобального лидерства Соединенных Штатов: приоритеты обороны в XXI веке». На его основе действует командование «молниеносного глобального удара», нанесение которого мыслится в стратегической наступательной операции с применением ядерного и неядерного потенциалов [3]. Как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности России 2015 года, наращивание силового потенциала НАТО и «наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создает угрозу национальной безопасности».

«УМНАЯ СИЛА» МЯГКОГО ВЛИЯНИЯ

Вместе с тем развитие современных мирополитических процессов чрезвычайно актуализирует ресурсные возможности применения «мягкой силы» в глобальной политике, подчеркивая значение проблемы концептуальной соотнесенности и практического использования инструментария «мягкой» и «жесткой» силы, ставя экспертно-политологическое сообщество и дипломатию нашей страны перед необходимостью уточнения ее сущностного содержания и реальных перспектив.

«Мягкая сила» расширяет привычный коридор внешнеполитических возможностей государств. Особое значение она приобретает в новых, санкционных условиях перехода Запада от конкурентно-партнерского сотрудничества с Россией к конфликтному соперничеству на мировой арене. Так, в сценарии самых масштабных за последнее десятилетие маневров НАТО «Соединение трезубца — 2015» подчеркивалось,

что они помогут альянсу отточить умение использовать «мягкую силу» и публичную дипломатию, а также действовать в контролируемой и враждебной медиасреде. По словам заместителя генсека НАТО А. Вершбоу, учения призваны «продемонстрировать способность НАТО отвечать на все виды угроз — от обычных боевых действий до гибридной войны и вызовов пропаганды».

В изменившихся геополитических условиях возрастает практическое значение вопроса о пределах эффективности «мягкой силы». Естественно, что и диапазон мнений в научно-экспертной и политических средах варьируется весьма широко: от утверждения, что в век информационных технологий и когнитивных войн ее возможности становятся поистине неограниченными до сдержанных, скептических и весьма критических оценок, а некоторые оппоненты отождествляя «мягкую силу» с вялым влиянием, даже настаивают на том, что кончина этого концепта стала реальностью.

Новая расстановка сил в геополитическом пространстве, предопределяющая наряду с другими факторами, характер изменений в мирополитическом процессе, требует уточнения пределов возможности практического использования «мягкой силы», актуализируя и императивно ускоряя поиски баланса между ней и «жесткой силой», который благодаря американскому аналитику и политику Дж. Наю получил известность как «умная сила» [4]. Отсюда следует, что в мировой политике отнюдь не утратила актуальность максима Наполеона, проливающая свет на подвижность динамической соотнесенности «мягкой» и «жесткой» силы: «Я бываю то лисом, то львом. Весь секрет управления заключается в том, чтобы знать, когда следует быть тем или другим».

«Умная сила» — это взаимосвязанная целостность различных компонентов в их

синергетической концептуальной и практико-политической соотнесенности — культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т. д., задействованных с учетом их умелого системного взаимодействия в беспрецедентно усложняющихся условиях развития мирополитических процессов, разнонаправленность которых усиливается по нарастающей. «Умная сила» сугубо прагматична, ее геополитическая суть — рациональная взвешенность или взвешенная рациональность. Она ориентирована, естественно, на продвижение и защиту национально-государственных интересов, определяемых на основе собственного видения конкретных особенностей мирового развития, но с гибким, реально новым учетом гигантских подвижек на международной арене, которые ранее не принимались во внимание вообще или в недостаточной мере — столь стремительно изменился состав акторов мировой политики и степень их влияния.

В современных условиях глобальная конкуренция приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития. Социокультурное воздействие на общественное сознание, причем как на макро, так и на микроуровнях, заметно усиливается. Уже сейчас, и чем дальше, тем больше, возрастает практико-стратегическое значение культуры в разрешении или хотя бы в смягчении конфликтогенных ситуаций, вызванных противоборством различных систем ценностей и особенно метастазным набуханием радикального национализма и исламского экстремизма.

В конце первого десятилетия XXI века из 143 конфликтов в мире 108 имели культурно-цивилизационное измерение. Согласно глобальному индексу миролюбия, составленному сиднейским Институтом

экономики и мира на основе 23 качественных и количественных показателей, в 2015 году количество погибших в вооруженных конфликтах составило 101 тыс. человек, т.е. выросло за семь лет в 5 раз, достигнув максимума за 25 лет, а число вынужденных переселенцев — 57 млн. человек, что является худшим показателем с момента окончания II Мировой войны. Жертв терактов (32 тыс.) стало на 286% больше по сравнению с 2008 годом.

Поэтому среди первоочередных приоритетов мировой политики выделяется задача предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества.

В мировой политике все больше возрастает роль гуманитарного взаимодействия в целом. Так, новым инновационным этапом в развитии «мягких» форматов стало председательство России в БРИКС с 1 апреля 2015 года. Конструктивные инициативы России нашли отражение в Концепции председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах. Документ ориентировал на качественное изменение положения в социально-политическом и гуманитарном взаимодействии в БРИКС с целью развития межцивилизационного диалога, продвижения общих ценностей стран-участниц на мировой арене. В результате важнейшим итогом уфимского саммита БРИКС 2015 года стало совместное заявление стран-участниц о необходимости выработки стратегии их сотрудничества в области культуры, науки и образования. В рамках конкретизации работы на этом направлении был сделан упор на переносе положительного опыта двустороннего взаимодействия на уровень многостороннего сотрудничества.

В настоящее время в БРИКС число форумов взаимодействия, прямо или опосредованно относящихся к «мягкой силе», превышает четверть из 34 действующих или находящихся в стадии завершения. Это, прежде всего Гражданский форум, Консорциум научных центров, Деловой совет, Бизнес-форум, Профсоюзный форум, Молодежный форум, Встреча породненных городов и муниципальных образований, Форум по вопросам урбанизации, Встреча кооперативных объединений стран БРИКС, Семинар по вопросам народонаселения, Совет экспертных центров и другие структуры, использующие потенциал гражданского общества.

Разумеется, было бы ошибочно представлять нынешнее положение дел в розовом цвете, преувеличивая масштабы и темпы развития «мягкой силы» БРИКС: объединение еще молодое, есть неизбежные внутренние проблемы, а в сложных переплетениях геополитики оно по-прежнему сталкивается с негативными внешними воздействиями. Но главное — в осознании всеми участниками БРИКС практической важности «мягкой силы» в процессе формирования новой модели межгосударственного общения.

Качественно новый характер обретает глобальная угроза, обусловленная появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости и претендующих на создание всемирного халифата.

Все большее значение в мировой политике приобретают вопросы обеспечения экологической безопасности и противодействия изменению климата на планете. Причем, как показывает практика, здесь нередки попытки западных стран искусственно политизировать природоохранную пробле-

матику и ее использование для ограничения суверенитета государств в отношении их природных ресурсов.

Между тем ученые фиксируют планетарную трансформацию окружающей среды. По сравнению с XIX веком изменения климата, концентрация парниковых газов, появление озоновых дыр привели к гигантскому, в десять тысяч раз большему, возрастанию электромагнитного фона обитания человечества. Жители Земли уже потребляют более половины доступной пресной воды. Вымирание флоры и фауны происходят, по расчетным данным, беспрецедентными за последние 500 млн. лет темпами. Загрязнение окружающей среды достигло немыслимых масштабов. Суммарная масса результата производственной деятельности человека превысила 30 триллионов тонн, в то время как вес всей биомассы, накопленной природой за 4,5 млрд. лет существования планеты, составляет около 2,5 триллионов тонн. Экологические последствия технической цивилизации создают реальную угрозу равновесию биосферы. В этих условиях объявленный Д. Трампом в июне 2017 года выход США из Парижского соглашения по климату чреват не только геэкономическими, но и геополитическими последствиями, уже вносящими едва скрываемый дискурс отчуждения даже в союзнические отношения США и Евросоюза.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И КОНТРАТЕНДЕНЦИИ

Важнейшая особенность современного этапа мирового развития — усложнение глобализационных процессов, их усиливающая разнонаправленность. По образному выражению С. Медведева, «глобализация — это двуликий Янус»: с одной стороны, это стремление к унификации, интеграции и стандартизации, политическим следствием которого является десуверени-

зация и уменьшение роли национальных государств как основы для международных отношений, а с другой, — это и международный терроризм, и глобальные преступные сети, и потоки нелегальных мигрантов. Наконец, существуют множество движений за идентичность, которые возникают в качестве протеста против глобализации, хотя сами они «неизбежно глобальны». Парадокс в том, что сами антиглобалисты живут по законам глобализации: размещают свои представительства в Интернете, создают глобальные сети и выходят за пределы национальных границ [5].

Принципиально новый фактор современного мирового развития — начавшаяся смена технологического уклада в экономике с теми кардинальными новшествами, использование которых неизбежно чревато обострением экономической конкуренции и перераспределением сфер влияния в мире. В результате экономика все чаще используется как геополитическое оружие.

Возникают разнородно новые, геополитически значимые центры интеграционной гравитации. И это, похоже, только начало в будущем глобально-стратегическом перераспределении сил в мировом пространстве. Речь идет о перспективах трансатлантической, транстихоокеанской, латиноамериканской интеграции, и, конечно же, Евразийского экономического союза.

Кризисные явления в мировой экономике глобализируют новые реалии: общее замедление темпов роста, волатильность финансовых и товарно-сырьевых рынков, дробление геоэкономического пространства на региональные структуры с конкурирующими тарифными и нетарифными ограничителями.

В мире происходят кардинальные изменения, вызванные информационно-технологической революцией. Темпы информационной глобализации беспрецедентны.

Жизнь подтвердила правоту известного теоретика коммуникаций Герберта Маклюэна, который давно предвидел, что смена исторических эпох определяется сменой коммуникационных технологий.

В глобальном прогнозе Национального совета по разведке США до 2030 года отмечается, что «благодаря коммуникационным технологиям власть будет смещаться в сторону многомерных и аморфных сетей, которые станут влиять на действия государств и мирового сообщества. Страны, даже с максимальными показателями ВВП, объемом населения и т.д. не смогут наращивать свое глобальное влияние, пока не научатся действовать внутри сетей и коалиций многополярного мира» [6].

Стремительный процесс в развитии компьютерных технологий, связи и программном обеспечении сопровождается резким уменьшением стоимости создания, обработки и передачи, информации. По американским данным за последние три десятилетия вычислительная способность техники удваивалась каждые полтора года и к началу нового тысячелетия стала стоить одну тысячную от ее стоимости в начале 70-х годов прошлого столетия. Показательные примеры: если бы цены на автомобиль падали столь же стремительно, как цены на полупроводники, то автомашина стоила бы сегодня пять долларов. Если в 1993 году в мире насчитывалось около 50 веб-сайтов, то семь лет спустя их число превысило пять миллионов. О глобальных последствиях информационной революции наглядно свидетельствует тот факт, что количество цифровой информации возрастает в десять раз каждые пять лет. В 1980 году хранилище одного гигабайта информации занимало целую комнату, а в наши дни двести гигабайт можно поместить в маленький кармашек рубашки. Ежегодный рост цифровой информации увеличивается шестикратно,

достигая почти триллиона гигабайт, а ее объем примерно в три миллиона раз превышает объем информации в книгах, напечатанных за всю историю человечества.

Информационно-коммуникационная революция, ставшая локомотивом нового технологического уклада, одновременно настолько обострила противоборство в геополитическом пространстве, что появилось понятие «инфогенные угрозы», которые все более деструктивно сказываются на трансформационных процессах, определяющих вектор развития современного мирового порядка.

В Доктрине информационной безопасности России 2016 года особо подчеркивается, что возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. И далее, более конкретно: «различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры».

Новая мирополитическая реальность — расширение и углубление миграционных процессов в мире. Они глобализируются, приобретая геополитическое измерение,

с одной стороны, и сказываясь непосредственно на внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации многих стран, с другой. По оценке Агентства ООН по делам беженцев (июнь 2016 г.), число беженцев, покинувших свое место жительства из-за военных конфликтов, достигло наивысших показателей за всю историю. 65,3 миллиона людей стали беженцами, лицами, подавшими прошение о предоставлении убежища или внутренне перемещенными лицами, общая численность которых только за 2015 год возросла на 5 миллионов. По самым скромным подсчетам, в этот год только границу Европы по морю пересекли более миллиона беженцев. Таким образом, как отмечает ООН, беженцем сегодня является каждый 113-й человек на Земле. Пограничные заграждения из колючей проволоки в Венгрии и Болгарии для недопущения на их территории беженцев из Ближнего Востока стали наглядным отражением беспрецедентного по масштабам миграционного кризиса в Европе. В этой связи все более неопределенными становятся перспективы развития Европейского союза, переживающего многоуровневый кризис. Брекзит (Brexit) стал концентрированным выражением самого глубокого, по сути — системного кризиса ЕС и его интеграционной модели. Весьма выразительно — «экзистенциальным кризисом» — назвал ситуацию в ЕС глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер. Характеризуя базовые слагаемые новой Глобальной стратегии Евросоюза, верховный председатель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини с сожалением констатировала, что цель и даже существование ЕС поставлены сегодня под сомнение. По отношению к самой модели европейской интеграции во многих странах ЕС все более четко прослеживается нисходящая цепочка ее социально-психологического

и политического восприятия, отдельные звенья которой наглядно показывают эволюцию умонастроений европейцев: евроэйфория — евроэнтузиазм — евроскептицизм — европессимизм.

Одной из исходных причин системного кризиса ЕС являются несбалансированность, усиливающееся несовпадение и нынешняя дифференциация самих подходов к его интеграционным перспективам. В различных формах и в той или иной степени выражения и радикальности они проявляются, с одной стороны, среди северных стран-членов ЕС и стран Южной Европы, а с другой, внутри стран, которые стояли у истоков европейской интеграции, и стран-«новобранцев» ЕС.

Растущее недовольство евроскептиков и европессимистов вызывает, в частности, деятельность Европейской комиссии, все чаще берущей на себя функцию своего рода «политического оператора», регулирующего «все» и «вся» за счет маргинализации суверенных прав и государственных возможностей стран-членов ЕС. Попытки превратить единую Европу в Европу едиобразную явно провалились.

Красноречивые результаты референдума в Великобритании в июне 2016 году о выходе страны из ЕС означают, среди прочих определяющих мотивов и причин, что она отвергает общеевропейские ценности в их унифицированной трактовке высшим эшелоном евробюрократов. Таким образом, ценностный аспект Брекзит, наряду с предшествующим крахом мультикультурализма, стал новой кризисной реальностью европейского интегрированного пространства. Причем, еще за год до референдума в Великобритании по образному выражению Н. Арбатовой, рассматривающей события на Украине как дезинтегратор европейского пространства, «европейское зеркало треснуло».

Если же рассматривать итоги референдума в глобальном контексте, то Брекзит — это специфически выраженная контртенденция в развитии интеграционных процессов в мировой политике, новый, актуализированный вызов глобализации. Брекзит поставил кризисное многоочие в развитии не только ЕС, но и мирополитического порядка в целом, усиливая тем самым неопределенность в казалась бы привычно-устойчивых отношениях ведущих игроков в геополитическом пространстве.

Кризис в ЕС отражает усиление борьбы между бескомпромиссными сторонниками подчинения государственного суверенитета высшим глобальным интересам и более гибкими приверженцами глобализации, которые придерживаются смягченной концепции «функционального суверенитета», с одной стороны, и теми, кто выступает с прямо противоположных, жестко обозначенных позиций, с другой. Все большая часть политических элит в западных странах разочаровывается в глобализации, считая, что она подрывает субъектную суверенность государств и их национально-ориентированные интересы в мире.

САНКЦИИ: НОВИЗНА БЕСКОНЕЧНОСТИ ИЛИ БЕСКОНЕЧНОСТЬ НОВИЗНЫ?

В развитии современных мирополитических процессов все чаще дает о себе знать санкционный фактор, активно используемый Западом, прежде всего США, в своих тактических и стратегических целях. Его новизна относительна: меняются методы, технологии, формы проявления. Суть же, исходные целевые установки неизменны. По американским данным, только за пять лет, с 1996 по 2001 год, США в одиночку применили 85 новых санкций, что дало повод некоторым аналитикам иронизировать, что США применяли санкции против половины человечества.

От том, сколь важное внешнеполитическое значение придается руководством США санкционным вопросам, свидетельствует тот факт, что в 2013 году в Государственном департаменте создана специализированная структура, призванная координировать санкционные режимы США: до этого управление ими было рассредоточено по различным министерствам и ведомствам.

В период президентства Б. Обамы санкционное давление США на Россию усиливалось по нарастающей. Введение Западом во главе с США международных экономических санкций против России произошло без мандата ООН; базовые принципы и условия членства в ВТО попросту проигнорированы.

Что касается России, то под давлением США Международный валютный фонд даже менял правила игры, согласно которым странам, нарушающим свои обязательства по выплате суверенных, т. е. государственных долгов, финансовая помощь не оказывается. Наглядный тому пример — неоднократное выделение МВФ, вопреки собственным принципам, займов Украины, что свидетельствует о вмешательстве «большой» политики в мировую экономику и мирополитические процессы.

Особый интерес в условиях санкционного давления на нашу страну представляет весьма откровенная оценка причастного в течение многих лет к выработке американских внешнеполитических решений Дж. Ная целевой направленности санкций: «Общим для всех санкций является манипулирование экономическими операциями в политических целях» [10]. И далее, еще жестче: «Главной целью санкций является изменение поведения, сдерживание и смена режима в другой стране» [10].

Санкционная политика США в отношении России имеет свою геополитическую предысторию, доктринальную базу которой американское руководство заложило

фактически сразу после окончания II мировой войны. В директиве Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 года №20/1 под названием «Цели США в отношении России», рассекреченной лишь 30 лет спустя, говорилось, что при государственном планировании следует определить цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, «сократив до минимума разрыв между ними». Целевые установки формулировались четко, со всей политической определенностью: в корне изменить теорию и практику мировой политики и международных отношений, с тем, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях. При этом особо оговаривалась необходимость добиться его значительной экономической зависимости от внешнего мира на условиях, которые должны быть «подчеркнуто тяжелыми и унижительными для коммунистического режима». Таким образом, преемственность и развитие — в осовремененном виде — санкционной доктрины США по-прежнему определяют уровень и качество американско-российских межгосударственных отношений, в значительной степени определяя вектор развития мирополитических процессов в целом.

Это наглядно проявилось в ходе событий на Украине, интернационализации украинского кризиса и подготовки санкций против России. Сенсационным по своей необычной откровенности стало заявление государственного секретаря США Дж. Керри в августе 2015 г.: «Нам и так непросто убеждать Европу давить на Россию из-за Украины».

Санкционное использование «мягкой силы» Западом против России наглядно проявилось, в частности, в связи с летними Олимпийскими играми 2016 года в Рио де Жанейро. «Аморальной» назвал МИД России запрет нашим паралимпийцам участвовать в Олимпиаде. В июне 2017 года

на рассмотрение Сената США внесен законопроект о санкциях против Российской Федерации под красноречивым названием «О противодействии влиянию России в Европе». Сама жизнь подтверждает аналитическую обоснованность новой Концепции внешней политики 2016 года, в которой говорится, что «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия...».

РУСОФОБИЯ: ПЛОХО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Новые вызовы XXI века входят в противоречие с привычным толкованием многих понятий и явлений мировой политики, не исключая, разумеется, и тех, которые имеют прямое или опосредованное отношение к русофобии. В мирополитические процессы настойчивыми усилиями наиболее враждебно настроенной к России части западных, прежде всего американских, элит встраиваются не только содержательно новые русофобские форматы, но и старые, модифицированные с учетом изменившихся геополитических реальностей, которые отражают изменения в мировой политике, где одновременно развиваются процессы как взаимоприятия, так и взаимоотталкивания, партнерства, конкурентного сотрудничества и соперничества. Это тем более важно, что глобальное международно-политическое пространство расширяется по нарастающей за счет виртуального, сетевые технологии меняют устоявшиеся представления о факторах, влияющих на мировую политику.

Русофобия в геополитике, если рассматривать семантическую цепочку уточняющих определений, это исходно враждебное,

априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к России. Замыкают цепочку редкие, но никак не исчезающие случаи своего рода «галлюцинаторной» антирусской рефлексии. Современная русофобия многослойна и многолика. Но главный ее вектор — геополитический, т.е. по сути она представляет собой антитезу геополитической значимости России. Что, несомненно, означает: русофобия — никак не переоцениваемый актор и фактор мировой политики, оказывающая на нее жестко деформирующее воздействие.

Русофобия — это исторически собирательный образ врага в лице России, который не может не влиять на ценностные установки подавляющего массового сознания в западных странах, предрасположенного, при соответствующей обработке, к ее восприятию как неизбежному злу, воспроизводимому в разных обстоятельствах на постоянном основании.

До распада Советского Союза биполярная мирополитическая система с неизбежностью зеркально воспроизводила эффект взаимного отторжения, предвзятости и подозрительности — всего того, что собственно и формировало основу русофобии и ответную реакцию на неё. Технологии использовались разные, но, бывало, они совпадали, что вполне соответствовало особенностям тогдашней биполярности.

В условиях однополярного мира после распада СССР линейно-компенсаторная диалектика противостояния утратила прежние связующие узлы. Содержательное наполнение антикоммунизма и антисоветизма в специфической форме, адаптированной к новым мировым реальностям, оказалось в арсенале современной русофобии.

Нынешняя ситуация усложняется новыми перекрестными стратегическими

партнерствами — как реальными, так и декларируемыми. Соответственно по-новому расставляются акценты в мировой политике — конкурентное соперничество становится более комбинационным, тактические цели и задачи русофобии вынужденно осовремениваются, адаптируясь к изменившейся обстановке: после тяжелейших 90-х годов Россия стала другой страной. На Западе не могут или не хотят осмыслить во всей полноте беспрецедентный характер переходной парадигмы нашего государства, в котором впервые в мире произошел «обратный» формационно-исторический переход, уникальный «перескок» от социализма к капитализму, фундаментально изменивший все геополитические расклады.

Но антиросийские волны продолжают накатывать на Россию с регулярностью приливов; отливы же, в отличие от природной заданности, задерживаются зачастую надолго. Сегодня русофобские проявления варьируются в самом широком диапазоне — от примитивно-вульгарных до комбинационно-утонченных, выраженных не совсем явно, опосредованно.

В целом же русофобия в геополитике — феномен системный: ценностный, мировоззренческий, политический, экономический, социокультурный. Конечно, современная русофобия разнится в немалой степени с прежней, времен холодной войны, но и в нынешнем виде она не есть нечто застывшее, всегда «равная самой себе», претерпевающая определенную эволюцию, по-своему приспособляясь к беспрецедентной динамике современного мира. Ее адаптационные способности воспроизводит собственная структура, опору которой — достаточно стабильную — можно представить в виде относительно самостоятельного «ядра», формировавшегося в течении длительного времени. В этом «ядре» спрессовались накопленные веками на Западе русофобские

тенденции, подпитываемые упреками в «нецивилизационности» России.

Помимо первичного «ядра», в ней имеется ряд вторичных напластований. При тех или иных изменениях в этой структуре, а ее зыбкость как раз и является предпосылкой ее «ртутной» подвижности, в основном сдвигаются внешние пласты, хотя затрагиваются и пласты более глубокие. При этом возникает иллюзия существенных сдвигов в восприятии России Западом; в действительности же ее основание остается на месте, само «ядро» претерпевает изменения лишь в тех пределах, которые не «размывают» его качественной определенности.

Гибкое сочленение указанных компонентов — «ядра» и «пластов» — открывает перед теми, кто реально формирует общественное мнение Запада и его отношение к России, широкий политико-идеологический и пропагандистский простор. По сути используется вполне унифицированный механизм, его отладка и доводка осуществляются с учетом национальных условий отдельных стран Запада. В «конфликтном поле исторической интересу субъективности» (по Сартру) корневая система русофобии, которая упорядоченно сопряжена с системой давно усвоенных предрасположенностей, получает постоянную подпитку.

Ведь «клиповое» сознание не воспринимает объемную противоречивость явлений в их целостной совокупности. Массовое сознание испытывает на себе повседневное воздействие различных антиросийских идеологий, мировоззренческих и политико-пропагандистских формул, задающих тональность отношения к нашей стране. Обыденное сознание в западном обществе легко «проглатывает» русофобские версии и интерпретации, абстрагируясь даже от явно несуразных оценочных обобщений, касающихся нашей страны. Плодотворность критики в том, что адекватный, грамотно объ-

ясняющий ответ на нее служит ступеньками преодоления прежнего и накопления нового оценочного опыта, способствуя тем самым постепенному отходу от редуцированного, черно-белого восприятия России.

Поэтому системная русофобия отнюдь не исчезает. Антироссийский акцент становится все более заметным на Западе. Частично получаемые от западных СМИ вторичные знания о России неизбежно меняют угол её восприятия. нередки оценки и представления базируются на устаревших понятиях: многие все еще не привыкли к мысли, что имеют дело не с СССР, а с новой страной в ином историческом контексте. Для обывательски ориентированных людей, привычно замкнутых на своих собственных делах и проявляющих отстраненный интерес к событиям в мире, восприятие происходящих в России процессов в целом остается размыто-безликим. В немалом сегменте общественного мнения — радикальных умонастроений — преобладает предвзятый, жестко-критический подход к России, форсированный акцент на негативе.

В последнее время в целом все более заметными становятся односторонне-негативные оценки, упрощения и искажения ее истории и нынешнего состояния, в основе которых лежат как новые, так и опять же старые обвинения и упреки. Прослеживается цепная реакция давних стереотипов и конфронтационной логики: нарушение демократии и прав человека — авторитарная деспотия — ретросоветский милитаризм, милитаристская экспансия Москвы, покушающаяся на свободы западного мира.

Следуя геополитической логике и практике прежнего американского президента Б. Обамы, который ставил на одну доску Россию и международную террористическую организацию «Исламское государство». Европарламент принял в ноябре

2016 года резолюцию, уравнивающую по степени опасности для ЕС Россию и запрещенную в ней «ИГ». В резолюции утверждалось, будто российское руководство агрессивно использует целый набор средство и технологий «гибридной войны», нацеленной на то, чтобы «исказить правду, посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство, которое играет признанную роль в европейской безопасности и экономической архитектуре». Результаты голосования показали, однако, сколь значителен в Европарламенте раскол и разброс мнений по этому вопросу и, главное, что русофобские настроения вызывают отторжение у значительной части евродепутатов: за резолюцию проголосовали 304 из них, против — 179, воздержались — 208.

В связи с усложнением мировой обстановки, формированием новых центров сил, усилением конкурентной борьбы за геополитические интересы отношение к России определяется все более хаотичным смешением разнопорядковых факторов и мотивов: экономических, политических, цивилизационных, мировоззренческих и др. В этих условиях, актуальной становится задача разграничивать русофобию и критическую оптику восприятия происходящих в России процессов. Нельзя рассматривать как русофобов всех, кто не согласен с проводимой ею внутренней и внешней политикой или выступают с конструктивно-критических позиций по отношению к ней.

Русофобия по своей природе деструктивна, критическое восприятие — альтернативно. Многообразие факторов, которые определяют их содержание и признаки, требуют дифференцированного подхода к осмыслению этих явлений. В адекватной

критике России нет базового конфронтационного начала, которое имманентно присуще русофобии. Тем, кто болезненно воспринимает любую критику извне в адрес России, оценивая ее по инерционной привычке как злостное проявление русофобии, напомним, что критика в одном из исходных значений — искусство разбирать, судить; в другом — анализ с целью дать оценку; в-третьем — отрицательное суждение, указание недостатков. Но нет никакого указания на противопоставление, отторжение, позиционирование в координатах «анти». Это тем более важно, что «анти» как регулятор внешней политики — всегда упрощение.

В последнее время возросло практическое значение политически адекватной сбалансированности реакций на сложнейшие событийные контексты мировой политики, когда одна ситуация наслаивается почти одновременно на другую, затрудняя понимание усложнившихся динамических взаимосвязей различных факторов международной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последнее десятилетие во внешнеполитической стратегии России, учитывающей новые тенденции и процессы в мировой политике, произошли серьезные изменения, с учетом которых в ней обозначились соответствующие им реперные концептуальные точки и положения. Отмечая новое качество российской внешней политики, известный политолог-международник, академик В. Г. Барановский объясняет его возникновение множеством факторов и интерпретаций смысла предпринимаемых Москвой действий и преследуемых целей. В этом множестве он выделяет три главные мотивации, которые так или иначе варьируются — каждая по отдельности или в различных сочетаниях:

1. Россия ориентируется на тактический горизонт. Суть: оборонительная реакция

(на Россию наступают, она вынуждена защищаться). Варианты интерпретации российской тактики: ответная, спонтанная, хорошо продуманная. Задача: нейтрализовать или минимизировать повестку дня, которая навязана Западом.

2. Россия действует на стратегическую временную и пространственную глубину. Суть: переход во внешнеполитическое контрнаступление. Варианты интерпретации российской стратегии: вынужденная, рационально или психологически обусловленная и т. д. Задача: навязать свою повестку дня другим участникам международной жизни.

3. В России происходит экстернализация внутренней повестки дня. Суть: возложить ответственность за любые существующие и возможные в будущем проблемы на внешних врагов и их внутренних пособников. Задача может иметь как тактическое, так и стратегическое измерение. В практическом плане важны три взаимосвязанных момента: контекст предстоящих выборов или иных изменений во властной структуре; минимизация критики / максимизация поддержки внешнеполитического курса внутри страны; внутриполитическая консолидация в более широком плане [8].

Жестко детерминированный оценочный выбор лишь одного компонента из приведенного выше аналитического расклада был бы слишком линейным, не отражающим всю полноту и сложности современных реалий. Обоснованный акцент скорее на подвижно смешанном варианте возможен, с нашей точки зрения, только путем конкретного ситуационного осмысления событий и фактов с опорой на системный анализ, учитывающий как предшествующий опыт эволюции внешнеполитической стратегии России, так и перспективные направления ее обновления в будущем.

Принятие в 2016 году новой редакции Концепции внешней политики России стало ответом на кардинальные изменения в мире.

Она задает четкие критерии для выработки ответственных решений, отвечающих внешнеполитическим интересам России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. Академика Дынкина А.А., Москва: Магистр; 2017. 352 с.
2. Быков О.Н. Геополитический статус России. Книга первая. Москва: ИМЭМО РАН; 2015. 410 с.
3. Доклад Центра евроатлантических и оборонных исследований Российского института стратегических исследований «Военная политика США и угрозы России». *Проблемы национальной стратегии*. 2014; 6:9-32.
4. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Москва: Дашков и Ко; 2017. 272 с.
5. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях

- России и ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*. 2008;10:27.
6. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке. Москва; 2012. 169 с.
7. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. Москва: АСТ; 2014. 448 с.
8. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему: тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН. 27 января 2016 г. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;7:6.

REFERENCES

1. World 2035. Global Forecast. Ed. academician Dynkin A.A., Moscow. Master; 2017. 352 p. (In Russ.)
2. Bykov O.N. Geopolitical Status of Russia (in two volumes). Volume One. Moscow: IWEIR RAS; 2015. 410 p. (In Russ.)
3. Report of the Center of the Euro Atlantic and Defense Studies of the Russian Institute of Strategic Studies "US Military Policy and Threats for Russia". *The Problems of the National Strategy*. 2014;6:9-32. (In Russ.)
4. Neimark M.A. "Soft Power" in the World Politics. Moscow: "Dashkov and Co; 2017. 272 p. (In Russ.)
5. Medvedev S. Discourses of the Alienation: "Sovereignty" and "Europeanization" in the Relations

- between Russia and EU. *World Economics and International Relations*. 2008;10:27. (In Russ.)
6. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Publication of the National Intelligence Council. Moscow; 2012. 169 p. (In Russ.)
7. Nye J. The Future of Power. How the Strategy of the Smart Power Changes the XXI Century. Moscow: AST; 2014. 448 p. (In Russ.)
8. Baranovsky V. New Foreign Policy of Russia: the Influence on the International System. The Thesis to the Academic Council Meeting. January 27th, 2016. *World Economics and International Relations*. 2016;7:6. (In Russ.)

.....
Статья получена 17.07.2017
Received 17.07.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neymark, Doctor of Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; mark.neimark@mail.ru